

М. Е. ШВЫДКОЙ,

*специальный представитель Президента РФ по международному культурному сотрудничеству,
доктор искусствоведения, профессор*

РОССИЯ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА*

Я благодарен Александру Сергеевичу Запесоцкому за добрые слова и приглашение выступить с лекцией в вашем замечательном Университете.

Убежден в том, что никакая научная модернизация в стране не может происходить без модернизации гуманитарной сферы, прежде всего социально-психологической. Но, как справедливо отметил Александр Сергеевич, сфера моей профессиональной деятельности связана с межкуль-

* Лекция прочитана в СПбГУП 27 сентября 2010 г.

турным диалогом и с тем, какую роль играет в нем Россия, поэтому расскажу именно об этом.

Я прилетел в Санкт-Петербург из Еревана, куда я и мои товарищи — Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в Российской Федерации Полад Бюль-Бюль оглы и бывший посол Республики Армения в России Армен Смбатян — приехали из Баку. В Баку, в свою очередь, мы прилетели из Москвы на самолете азербайджанских авиалиний. Армен Смбатян в настоящее время является испол-

нительным директором Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ (МФГС), где Полад Бюль-Бюль оглы — председатель правления, а я — сопредседатель правления от России. Впервые за последние 20 лет армянин летел самолетом азербайджанских авиалиний, а азербайджанец — самолетом армянских авиалиний (когда мы улетали из Еревана).

Мы посетили концерты Молодежного симфонического оркестра стран Содружества, который был создан

примерно четыре года назад под эгидой Фонда. В 2010 году оркестр совершил большое турне. В мае он выступал в Нью-Йорке, в главном здании Генеральной Ассамблеи ООН, потом — в Париже, в ЮНЕСКО. Часть тура прошла в ином географическом ареале — Астана, Ашхабад, Баку, Ереван, Киев и Москва. Всегда, когда речь шла о Баку и Ереване, мы говорили о том, что армяне не едут в Баку, а азербайджанцы — в Ереван, потому что это опасно. И впервые за последние 20 лет армянские музыканты играли в Баку, а азербайджанцы — в Ереване. Мы присутствовали на этих концертах в качестве гарантов их безопасности, потому что это было действительно необходимо.

В течение трех лет мы пытаемся наладить диалог между азербайджанской, армянской интеллигенцией и интеллигенцией Нагорного Карабаха. Но поездки, которые мы осуществляли прежде, были организованы несколько иначе. Обычно армянская и азербайджанская делегации встречались в Нагорном Карабахе. Для того чтобы мы могли попасть туда, нам делали тропу в минном поле, которое разделяет армян и азербайджанцев. После того как мы вместе с наблюдателями проходили по этой тропе, ее вновь минировали. Из Нагорного Карабаха мы летали на один день в Ереван и Баку. Никто не хотел ночевать в странах, которые находятся даже не в состоянии перемирия, а в состоянии прекращения огня. Это всегда непростой диалог, потому что, как это ни парадоксально, интеллигенция двух стран настроена весьма жестко по отношению друг к другу.

Самое тяжелое происходит тогда, когда начинают обсуждаться исторические темы. Вроде бы существуют объективные данные, но если народ начинает вспоминать, когда люди пришли на это место, где они жили, когда здесь что-то появилось, то возникает много проблем. Причем это не единственный случай на пространстве СНГ. Аналогичная ситуация возникла между Таджикистаном и Узбекистаном — Самарканд и Бухара являются великими памятниками узбекской и одновременно фарсидской истории, то есть истории таджиков, и это вызывает бурные дискуссии. То же самое происходит на границе между Кыргызстаном, Казахстаном и Узбекистаном.

Там, где рядом на протяжении столетий живут разные народы, всегда могут возникать разные коллизии, которые иной раз приводят к войнам, межнациональным конфликтам. Истоки недавнего военного конфликта на Кавказе 2008 года коренятся не в истории нынешнего столетия, они много глубже и древнее.

В то же время, если мы посмотрим на такую фундаментальную проблему современного мира, как конфессиональные взаимоотношения, прежде всего, отношения христианства, мусульманства и иудаизма, то убедимся, что в России сложилась неплохая ситуация, выгодно отличающаяся от того, что происходит в других странах.

Недавно в США состоялась острая дискуссия, которая до сих пор не закончилась и которая, я думаю, серьезно повлияет не только на выборы президента Америки в 2012 году, но и на местные выборы нынешнего года. Эта дискуссия была посвящена тому, может ли исламская община Нью-Йорка построить культурный центр в нескольких десятках метров от Ground Zero — того самого места, где стояли башни-«близнецы», разрушенные во время террористической атаки 11 сентября 2001 года. Мэрия Нью-Йорка санкционировала действия по строительству мечети, и эту точку зрения поддержал президент Обама. Этот факт вызвал необычайно бурную реакцию даже той партии, к которой принадлежит сам Обама. Лидер партии демократов в нижней палате, палате представителей, сказал, что он категорически не может согласиться с таким мнением президента. Это было бы исключительно внутривнутриполитической борьбой или борьбой взглядов, если бы в дальнейшем не влекло за собой страшные и тяжелые последствия в разных уголках мира, в том числе в Соединенных Штатах Америки и странах Европы.

В этом смысле показателен опыт Нидерландов. В силу своей истории это одна из самых толерантных стран Европы, с удивительно либеральным законодательством, абсолютно взвешенными статьями Конституции. Эта страна всегда торговала и была открыта миру, считалась большим «перевалочным пунктом» разных регионов — Азии, Африки — в Европу, а потом и в Америку. Некоторое время назад там была соз-

дана Партия свободы во главе с Гертом Вилдерсом, которая на последних парламентских выборах заняла третье место. Эта партия участвовала в выборах со следующими заявлениями: «Коран — это мусульманский “Mein Kampf” (майн кампф), на территории Нидерландов его нужно запретить» и что если бы пророк Мухаммед был жив, его надо было бы изгнать из страны. На выборах эта партия выдвинула на первый план невероятную — не только для голландцев — идею, что нужно пересмотреть первую статью Конституции Нидерландов, которая гласит, что все граждане страны равны перед законом. Представители партии уверены, что эту статью надо отменить, потому что многие люди, которые получили гражданство этой страны (выходцы из африканских колоний Нидерландов, Азии, Индонезии), не равны перед законом, потому что не равны перед законом христиан и мусульман. В Нидерландах несколько месяцев не могли сформировать правительство, потому что сам факт участия в коалиции этой партии вызвал бы невероятный скандал. В конечном счете лидер партии Герт Вилдерс заявил, что они не войдут в правительственную коалицию и будут в оппозиции. И это сегодня происходит в Нидерландах, в стране высочайшей демократической культуры, абсолютно толерантной до недавнего времени.

То же самое наблюдается и в Бельгии, где победила радикальная фламандская партия правых. Аналогичная ситуация сложилась в Швеции, другой толерантной стране, где радикально правые получили значительное количество мест в парламенте. То же сейчас происходит в Венгрии, где у власти находятся правые, второе место, первый центр, занимает партия «Фидес», а третье — партия «Йоббик». Самое мягкое из того, что предлагает партия «Йоббик», — это ограничить в правах цыган, евреев и словаков. Все остальные их предложения значительно более жесткие. Это сегодня происходит в Европе, в странах с высоким стандартом жизни (Нидерланды, Швеция). Это отношение распространяется и на мусульман, и на буддистов — мигрантов из Азии, и на выходцев из христианских государств (представители партии «Йоббик» критично относятся к словакам, которые принадлежат к римско-католической церкви или

частично — к протестантским течениям, как и они сами). Это значит, что сегодня система дает серьезный сбой. И объяснить его только материальными коллизиями сложно.

Когда в 1979 году в Иране победила революция, то все недоумевали. Иран был страной с наиболее высоким уровнем жизни в этом регионе, по сравнению с другими странами Среднего Востока — это подтверждает тезис о том, что материальные механизмы в некоторых случаях перестают работать.

Сегодня в Москве дворниками работают киргизы и таджики (причем работают хорошо — Москва очищена и зимой, и летом). Но никто, даже безработный из Ивановской области, не хочет выполнять эту работу. В Москве работает большое количество людей из Белоруссии и Украины (белорусы, как правило, водителями троллейбусов и автобусов). Русские люди не хотят выполнять подобную работу. То же происходит во всем мире. Так, в Германии, например, последние 10 лет рабочими-строителями и сантехниками были выходцы из Польши. И немцы жаловались, что раньше, когда эти работы выполняли турки, было лучше. Про те времена, когда сантехниками были немцы, уже никто не помнит. В настоящее время сантехниками в Германии в основном работают люди, приехавшие с Украины.

Я говорю об этом для того, чтобы вы поняли: не всегда экономические причины влияют на острые конфликты. В Баку, который был международным городом, всегда существовало распределение труда по сферам деятельности, сегментам. Армяне, как правило, были ремесленниками. Это был полностью закрытый сегмент. Когда армяне уехали, выяснилось, что некому подбить обувь, починить подметки. Это вековые традиции распределения рабочих профессиональных функций. Так было и в Тбилиси, где армяне были строителями и ремесленниками. Но в Грузии до сих пор сохранилась довольно большая армянская диаспора.

Конфликты между людьми провоцируют не материальные, а другие механизмы. И в этом смысле Россия — может быть, один из лучших примеров хороших многовековых отношений между мусульманством и христианством. На протяжении последних почти пятисот лет христи-

ане и мусульмане живут рядом друг с другом, и конфликтов на религиозной почве, в общем, не возникает. Речь в данном случае идет о Татарстане и Башкортостане. Иногда возникают некоторые этнические конфликты, но не на религиозной почве.

Известно, что любой конфликт можно раздуть искусственно. Недавно парламент Татарстана принял решение о том, что в республике будет отмечаться День принятия ислама, поскольку существует День крещения Руси. Из этого можно «раздуть» конфликт. Но можно, используя существующий многовековой опыт, уйти от конфликта. В этом смысле деликатный материал — учебники по истории. Например, на Руси было монгольское иго. Недавно в Монголии как национальный праздник отмечалось 800-летие Чингисхана, на празднование которого пригласили и делегацию из Российской Федерации. Мы с детства воспринимаем Чингисхана как угнетателя. Но мир разбивается, поэтому делегация от России поехала и поздравила Монголию с большим национальным праздником. Это тоже своего рода признак толерантности. В 2012 году в России будет отмечаться 200-летие Отечественной войны 1812 года. В настоящее время мы общаемся с французами и организовываем выставки, посвященные Наполеону. Французы в свою очередь делают выставки об Александре I. Ветераны Второй мировой войны — немцы и русские — общаются друг с другом.

Я приведу простой пример. Когда мы говорим о Куликовской битве, то забываем о том, что на стороне великого князя Дмитрия воевали не только русские, но и татары, литовцы, так же как на стороне татар воевали русские полки других князей. Взятие Иваном Грозным Казани в этом смысле тоже поучительно. Первым эшелонам наступающих на Казань войск была татарская конница, которая выступила на стороне Ивана Грозного, потому что там было много внутренних, абсолютно неэтнических и неконфессиональных противоречий.

Таким образом, несмотря на отдельные всплески, тяжелый опыт Кавказских войн XIX и, к сожалению, XX веков, в течение последних 500 лет в России исламский фактор

не был столь трагическим, как, например, в других странах, в частности в США. В Америке в настоящее время исламское население в значительной степени возросло. Не все афроамериканцы исповедуют какую-то ветвь протестантской религии, не все ходят в католические церкви. Исламский фактор в Соединенных Штатах Америки играет важную роль. И если люди хотят построить исламский центр у Ground Zero, то это означает, что этот фактор — безусловная реальность.

И здесь возникает вопрос, сложный для людей любого поколения с разными взглядами. Во время перестройки госпожа Андреева написала статью «Не могу поступиться принципами», где выступила с ортодоксально коммунистических позиций и сказала о том, что перестройку проводить нельзя, потому что это приведет страну к катастрофе и т. д. Эта фраза: «Не могу поступиться принципами» — довлеет над нами, мы на этом выросли: нельзя изменять себе, поступаться принципами, надо отстаивать свои убеждения, доказывать и т. д. Мы знаем, что Антигона — героиня, а Креонт, который призывал ее закрыть глаза на многие вещи, — абсолютный мерзавец, коллаборационист, недостойный уважения.

Сегодня мы живем рядом с людьми других культур, других конфессий, других обычаев, и это не всем может нравиться. Я начал свою преподавательскую деятельность в Бурятии, будучи студентом V курса института (я написал диплом на год раньше). Я читал в местном Институте культуры курс истории зарубежной литературы и театра. В вузе учились разные ребята: буряты, якуты, были представлены все этносы Восточной Сибири и Забайкалья. У народов, которые живут в местности, где нет воды, совершенно другие механизмы гигиены. Там есть гигиена, и очень эффективная, но она другая. Поэтому ванна была для бурят лишним предметом, и в ней резали баранов. Многих людей это раздражало.

Здесь проявилась одна из старых трагедий миссионеров и цивилизаторов. Только в 1920–1930-е годы люди осознали, что нельзя цивилизовать насильственно, особенно людей принципиально иных культур. Когда христиане-миссионеры пришли в дельту Амазонки, к одно-

му из индейских племен, то они решили, что это племя надо «облагородить», и построили солдатские уборные. Но индейцы не совершали там того, что делал бы европейский человек, — они там молились, потому что для индейцев круг — это знак божества.

Когда мы приходим в чужой дом со своими представлениями о том, что правильно, а что — нет, то часто попадаем в подобные ситуации. То же самое происходило и с пигмеями. Сначала, в XIX и в начале XX века, австралийских пигмеев истребляли, не считая их за людей, а потом белые люди начали винить перед ними и цивилизовывать их. Выяснилось, что пигмеи плохо приживаются в больших городах, не могут жить в системе техногенной цивилизации, теряют ценностные ориентиры, иммунитет, который у них существует, и т. д. И то, что потом, в 1950–1960-е годы, происходило в Австралии, привело к вымиранию пигмеев, потому что их пытались адаптировать к нормальной социальной жизни, к той, к которой они не привыкли.

Некоторым людям кажется, что христиане лучше, чем мусульмане. Это изначально неправильный подход. Я неслучайно упомянул в своей лекции, что мы живем в обществе, где люди привыкли отстаивать свои принципы и убеждены в том, что ими нельзя поступиться. Я говорю со всей ответственностью: сегодня мы живем в мире, где нужно искать компромисс, где компромисс равен жизни. А выше человеческой жизни нет ценности. Пока мы этого не поймем, пока мы будем говорить, что принципы важнее жизни, пока мы не осознаем, что надо слышать других людей, понимать, как они живут, по каким законам, чего они хотят, какая у них мотивация, мы никогда не найдем возможности для компромисса в глобальном масштабе.

Конечно, можно говорить о том, что эти люди, приезжая в нашу страну, живут по-другому, навязывают свой образ жизни, не хотят жить по тем правилам, по которым живем мы. Так говорят не только в России, но и во всем мире. И здесь надо понять одну истину. В Федеративной Республике Германия во второй половине 1950-х годов начался строительный бум, и нужна была рабочая сила, потому что не хватало людей. Ког-

да первые рабочие-турки приехали в Германию, одной из важных программ была программа адаптации этих людей к цивилизационной немецкой системе. Первые поколения приехавших турецких рабочих старались быть немцами.

Существует закон Фромма, закон гетто, который гласит, что для того, чтобы быть такими же, как все, надо быть лучше других. Немцы старались по всем признакам своего существования быть лучше других. Когда мы говорим о приезжающих таджиках, узбеках, белорусах и украинцах, нам нужно предложить им условия, в которых они могли бы адаптироваться к обстоятельствам нашей жизни.

Два года назад у меня с президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном состоялся разговор о том, что в Таджикистане существует колоссальная проблема, связанная с отсутствием учителей русского языка, особенно в сельской местности. Таджики, приезжающий в Россию работать, как и узбек, армянин, грузин, азербайджанец, должен знать русский язык хотя бы минимально, чтобы объясниться с милиционером, который его остановит, как только он выйдет из поезда. Также приезжие должны знать законы Российской Федерации. Ведь неслучайно для того, чтобы получить американское гражданство, нужно достаточно хорошо знать язык, чтобы человек мог прочесть на этом языке некоторые главы Конституции, ответить на вопросы и спеть гимн.

По этому поводу в Европе существуют разные мнения. Президент Франции Николя Саркози, например, подписал закон, который запрещает ношение хиджаба и вообще национальной одежды в учебных заведениях. И до сих пор французское общество бунтует и рассматривает этот закон как нарушение прав человека. Но тем не менее я думаю, что президент прав. По этому поводу было инициировано несколько судебных процессов. Одна мусульманская учительница подала в суд на французскую школу, чтобы с ее двери сняли крест. Если запрещают признаки одной конфессии, то не должно быть признаков и другой конфессии. Это сегодня является предметом дискуссии во всем мире, одной из болезненных мер, которые способны «расшатать» все страны,

даже самые благополучные и устойчивые.

В настоящее время обстановка в странах во многом зависит от того компромисса, к которому люди смогут прийти внутри государства. Можно, не изменяя себе, своим принципам, попытаться понять принципы жизни другого и прийти к согласию. Не нужно становиться другими, надо просто уметь услышать другого и попробовать его понять. В России в этой сфере накоплен большой опыт. Мы 500 лет жили в межконфессиональном, межэтническом мире, и это очень важно. Более того, у нас работали, как теперь принято говорить, «социальные лифты». Если посмотреть на национальный состав российского боярства начиная со времен Ивана Грозного, то можно увидеть, что там много татарских и калмыцких фамилий; представители высшей знати Российской империи в XVIII–XIX веках — это выходцы с Северного Кавказа и Закавказья. То есть работали определенные механизмы, помогающие людям оказаться на вершине государственной власти.

Обратите внимание: сегодня на телеканалах работают этнические татары, и это подчеркивается (на работу скорее возьмут татарина не с фамилией Иванов, а с фамилией Кашмуратов — это действует на публику). Работают выходцы из дальневосточных республик, например из Тувы. Люди должны привыкать к тому, что Россия — многонациональная страна. И диалог культур — это более широкое понятие, чем дни культуры Республики Кабардино-Балкария в Республике Хакасия. Межкультурный диалог — это когда в магазине в одной очереди стоят русские, татары, башкиры, карачаевцы и черкесы, украинцы, белорусы, евреи и пр. Межкультурный диалог осуществляется постоянно, и в этом его сложность. Потому что одно дело — конференция в ЮНЕСКО или круглый стол в вашем замечательном Университете, а другое — поход на дискотеку, когда славянская девочка может потанцевать с мальчиком из Закавказья. Это тоже межкультурный диалог. Сказать «нет» тоже надо уметь, чтобы не обидеть другого человека. Как говорил Станиславский: когда актер выходит на сцену, он должен играть другого. Самое главное — играть другого, не себя, не свою роль. В жизни то же самое —

для того чтобы мы могли развивать Россию, сохранить мир на всей планете (и это не высокие слова, а реальность), надо уметь играть другого, уметь услышать его боль, разделить его радость, тогда что-то получится. Межкультурный диалог — это не абстракция, а ежесекундная реальность, в которой живут люди в нашей стране и за рубежом.

Я благодарю вас за внимание.

* * *

Л. А. ПАСЕШНИКОВА, первый проректор СПбГУП: — *Уважаемые студенты и преподаватели! Пожалуйста, задавайте вопросы.*

Анна БЕРЕЗОВСКАЯ, IV курс, факультет культуры: — *Уважаемый Михаил Ефимович! Я хотела бы продолжить тему о запрете ношения хиджаба во Франции. Скажите, пожалуйста, нужна ли такая мера в России?*

— Это сложный вопрос. Я считаю, что такая мера нужна. Поскольку мы живем в светской стране, то в публичной жизни, в системах, где определяющую роль играет государство и его законы (образование, медицина и т. д.), мы должны придерживаться светского характера поведения. Это вовсе не означает, что нужно ущемлять права верующих, напротив. В Конституции России есть статьи, в которых отстаивается право на свободу совести. И в этом смысле неслучайно сегодня в системе образования существуют разные варианты изучения религии. Это может быть история религий, православия или ислама. Насколько мне известно, этот эксперимент начался. Примерно 70 % родителей хотят, чтобы дети изучали не православие, ислам или буддизм по отдельности, а историю религий вообще. Это свидетельствует о том, что сегодня общество, в котором мы живем, является светским. У нас конституционно светское общество и государство. Поэтому здесь нужны разъяснительные действия.

Например, в Российской империи в армии солдатам и офицерам — выходцам с Кавказа — разрешали носить усы, что запрещалось в некоторых родах войск. Поэтому, поскольку мы живем в светском государстве, должны действовать нормы жизни светского государства. Это один из сложных фундаментальных вопросов, потому что на конфессио-

нальной почве очень трудно прийти к компромиссу. Представители разных конфессий — Русской православной церкви, мусульманства, иудаизма, буддизма — изначально, может быть, понимают, что Бог един, но служат они ему по-разному и не хотят отступать от принципов своего служения. Для Русской православной церкви экуменизм неприемлем. И в этом смысле найти основу для понимания достаточно сложно. Например, для татар, исповедующих мусульманство или православие, важным должно быть то, что они татары, а не то, что они принадлежат к разным конфессиям. Так же и на Украине, где есть униатская церковь и церковь православная, ортодоксальная. Украинцам легче объединиться на той основе, что они граждане Украины. И в этом смысле светская площадка — прежде всего культура — предоставляет больше возможностей, больше шансов для поиска компромисса.

Алина ДАНИЛЕВИЧ, IV курс, факультет культуры: — *Михаил Ефимович, как Вы относитесь к идее переименовать милицию в полицию? Почему бы не переименовать в жандармерию?*

— Жандармы выполняют в государстве совершенно особые функции. А полиция сохраняет общественный порядок. Я отношусь к этой идее положительно, если закон, который сейчас принимается, будет реализован. Полиция выполняет профессиональные функции. Милиция — это нечто общественное, если вспомнить ее историю. В этом смысле профессиональное отношение значительно важнее, чем самодеятельность. Другое дело, что это потребует высочайшей профессионализации данной сферы деятельности, изменения материального положения, потому что милиционеры получают маленькие зарплаты, гораздо меньше, чем контрактники в армии. Если изменение названия повлечет за собой серьезные перемены, о которых говорит Д. А. Медведев (и нет оснований ему не доверять, поскольку я являюсь его специальным представителем), то я надеюсь, что это принесет пользу. Одна из серьезных проблем — это отсутствие у общества доверия к милиции. Люди неохотно идут в милицию, когда у них возникают проблемы, потому что боятся ее. Поэтому нужна серьезная реформа. Но мы живем в стране слов

и символов, где название тоже имеет значение. Когда девушку называют госпожой, или сударыней, или барышней (а это звучит иначе, чем товарищ), то она старается вести себя соответственно.

Лариса ЛОБАНОВА, V курс, факультет культуры: — *Уважаемый Михаил Ефимович, почему, по Вашему мнению, сокращается число желающих обучаться игре на народных инструментах, учиться народным промыслам, работать на селе, где жива народная культура?*

— Это хороший и одновременно сложный вопрос. Еще в начале XX века многие исследователи фольклора пришли к выводу, что фольклор как таковой иссяк. Воспроизводство фольклора, его развитие завершилось. То, что рождалось на земле еще в XIX столетии, перестало воспроизводиться. Для России, может быть, это не абсолютно, хотя глобализация проникла и в самые отдаленные сельские местности. Как только появилось всеобщее информационное пространство (я имею в виду радио, телевидение), фольклор стал другим.

В одном селе народный коллектив замечательно пел частушки, но их содержание в основном касалось прокладок из телевизионной рекламы, то есть было связано с той жизнью, которой живет город и люди. Поэтому сегодня сохранение народного искусства, с моей точки зрения, — одно из главных обязательств государства перед своими согражданами, одна из колоссальных проблем в эпоху глобализации. Ваша студенческая аудитория похожа на любую студенческую аудиторию во всем мире. Вы одеты так же, как студенты в Америке, Франции и Новой Зеландии. Сегодня по внешним признакам невозможно определить, что мы находимся в Северной столице России, что здесь сидят русские люди, представляющие российскую культуру. И это одна из серьезных проблем, потому что чем дальше будет развиваться глобализация, тем больше будет унификации, универсализации.

Думаю, что нужны серьезная государственная программа и пропаганда народного и национального искусства. Каким сегодня представляется типичный русский человек или американец? В первом случае это поддевка, лаковый картуз или сарафан, а во втором — ковбойские

сапоги и джинсы? Как определить? В советское время была распространена достаточно лукавая формула: национальный по форме, социалистический по содержанию, то есть на голове кокошник, а внутри пламенный марксист. Но так не бывает.

И поэтому сегодня, как мне представляется, для того чтобы сохранить национальную культуру, национальное сознание, нужно, чтобы государство сформировало программу развития национальной культуры. Я не знаю, насколько и почему упал интерес к народным инструментам. Но, скажем, в Национальный академический оркестр народных инструментов им. Н. П. Осипова попасть трудно, как и в ансамбль народного танца Игоря Моисеева или в ансамбль «Березка». Думаю, что это забота таких районных звеньев, как самодеятельные организации, школа. И мы должны прививать молодежи вкус к этому. Это достаточно интересно.

Сегодня нужна программа сохранения национальной культуры. В свое время я специально принял программу поддержки и сохранения культуры Севера, потому что север Ярославской области, Вологодская область, Архангельская область — это ядро, где сохранялась русская культура в первозданном виде, это домонгольская Русь (монголы туда не дошли). Но это отдельная тема. Я считаю, что должна существовать отдельная государственная программа в этой области.

Дарья КУЗЬМИНА, V курс, факультет культуры: — *Михаил Ефимович, можно ли провести смысловые параллели между названием Вашей программы «Культурная революция» и культурной революцией в Китае? Второй вопрос: в передаче «Культурная революция» Вы, выступая в роли ведущего, вынуждены занимать нейтральную позицию. А был ли в Вашей передаче гость, которому Вы хотели возразить и не смогли сдержаться? Как Вы себя вели в данном случае?*

— По поводу названия программы мы долго размышляли. Его придумал продюсер и режиссер Андрей Козлов. Я предполагал, что нам будут говорить, что мы занимаемся «китайщиной». Потом мы вспомнили, что к культурной революции также имели отношение Н. Крупская и В. Ленин, потому что в советское время тоже была культурная ре-

волюция. Мы поняли, что будем делать достаточно провокационную программу. И это название нам показалось вполне уместным. Название «Культурная революция» раздражает (так и должно быть). Передача не может называться «Как хорошо». Название телевизионной программы должно быть таким, чтобы зритель, переключая каналы, на него хотя бы отреагировал.

Однажды в программе произошел случай, за который я виню себя. По этому поводу я написал заметку в «Российской газете». Программа была посвящена политкорректности. Один молодой человек высказался следующим образом: «Я заранее прошу прощения у всех присутствующих, но хочу задать следующий вопрос: “Почему нельзя назвать гомосексуалиста пидарасом, еврея — жидом, чернокожего — негром и т. д.?”» Также этот парень говорил о том, что русских угнетают и пр. Меня возмутило подобное высказывание, потому что это чистый фашизм. В данном случае я не сдержался. Это неправильно, я не люблю людей, которые во время передачи начинают себя «накручивать». Ведущий во время ток-шоу не должен проявлять никаких эмоций. Можно говорить все что хочешь, но во время дискуссии необходимо занимать нейтральную позицию. Я не выгнал его из студии, потому что это неправильно, бессмысленно, но попробовал объяснить ему, почему нельзя этого делать в публичных местах. Это одна из колоссальных проблем: многие люди думают так, как этот парень, они говорят об этом вслух по радио, размещают подобную информацию в Интернете.

Если обратить взор в сторону Запада, то можно рассмотреть положение русских в Эстонии, Латвии или Литве. Там после 1991 года русские почувствовали себя меньшинством. До 1991 года русские ощущали себя большинством. Это трагедия, потому что 25 млн русских оказались за пределами Российской Федерации. Я говорю о людях, для которых важна русская культура. И я никому не желаю испытать того, что пережили тогда наши соотечественники в прибалтийских странах и в государствах Центральной Азии. К сожалению, в то время у Российской Федерации не было сил защищать интересы своих соотечественников за пределами России. Я не хочу, чтобы

мы испытали то, что пережили наши соотечественники за рубежом России. Я не хочу, чтобы люди, которые приезжают в Россию, пережили то же самое. Если мы хотим, чтобы мир откликнулся и отвечал нам добром, то мы сами должны смотреть на него добрыми глазами. Это очень важно. Но это был, пожалуй, единственный случай проявления моей неоднозначной реакции за почти 10 лет транслирования программы в эфире.

Олеся КУЗЬМИНА, V курс, факультет культуры: — *Уважаемый Михаил Ефимович, бытует мнение, что современная журналистика — это прибежище непрофессионалов, стоящее болото, булькающее пузырьками под названием «сенсации». Согласны ли Вы с этим утверждением или у Вас иной взгляд на современную российскую журналистику?*

— Вы выбрали хорошее время для этого вопроса, потому что сегодня первую половину дня я ругал журналистов. Дело в том, что недавно состоялась церемония вручения премии «ТЭФИ» в Санкт-Петербурге, которая прошла исключительно хорошо. И все телевизионные коллеги, которые там присутствовали, оценили ее положительно. А газеты («Московский комсомолец», «Коммерсантъ») вышли с «феерическими» заголовками, разгромными статьями. После этого мне даже позвонили главные редакторы названных газет (хотя обычно, когда печатается какая-нибудь гнусность, главные редакторы в таких случаях говорят, что их не было на работе, они этого не читали).

Но если серьезно: нравится нам журналистика, ее современное состояние или нет — в любом случае это совершенно уникальная и абсолютно необходимая обществу профессия. Журналистика будет такой, какими будут журналисты. Мой товарищ, главный редактор журнала «Огонек» Виктор Лошак, любит повторять, что не бывает смелых журналистов, бывают смелые главные редакторы. Это вполне справедливо. Однако не было бы смелых главных редакторов, если бы не было смелых журналистов. Мы знаем смелых, настоящих, серьезных людей, которые делают журналистику. Никогда не надо говорить о том, что предлагаемые обстоятельства ужасны и поэтому мы не можем чего-то сделать.

Я работал журналистом во времена Советского Союза, советской цензуры. И в 1986, 1987, 1988 годах было все не так просто. В 1989, 1990 году стало легче, а до 1988 года было очень сложно. Цензуру в Советском Союзе отменили только в апреле 1987 года.

Но тем не менее: цензуры не стало, а проблемы сохранились. Я тогда работал заместителем главного редактора журнала, довольно часто имел дело с цензурой и могу с уверенностью сказать, что сегодня ситуация намного лучше. Вопрос заключается в том, как вести себя в современной ситуации. Новость — не открытие выставки, а изнашивание на открытии выставки. Так считают многие газетчики, но они ошибаются. Это просто неумение написать о выставке так, чтобы статью прочитала широкая публика. В принципе это одна из проблем современной журналистики. Когда-то мы с Андреем Васильевым (тогда он был главным редактором «Коммерсанта») обсуждали эту проблему, и одна из передач «Культурной революции» называлась следующим образом: «Журналист не должен знать русского языка». Современная журналистика, как правило, редко умеет интересно рассказать о действительно интересном событии. Жизнь вообще интересна, и о ней надо уметь рассказывать просто.

Я считаю, что журналисты — это общество, которое выполняет важнейшую функцию в современной жизни: оно информирует людей о том, что происходит в мире. Но сегодня на журналистику влияет много факторов. Например, Интернет, форма подачи материала в Сети, потому что интернетовская журналистика — это в какой-то степени журналистика информационных агентств. Требуется большое мастерство, чтобы в двух предложениях изложить суть дела. Исчезла аналитическая журналистика, стало меньше авторов, которые работают в этих жанрах, очень мало публицистики высокого уровня. Но я повторяю: журналистика — это замечательная профессия, одна из лучших в мире, гордитесь тем, что вы журналисты.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — *Спасибо, Михаил Ефимович. Сегодня прозвучало много серьезных и интересных вопросов. Следующий вопрос, пожалуйста.*

— *Любите ли Вы рекламу? И если да, то за что?* (вопрос из зала)

— Какую рекламу?

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — *Рекламу на телевидении, рекламу товаров.*

— Реклама как институт существует с античных времен. Это не изобретение XX века. Рекламой в начале XX века занимались великие художники. Как известно, русский авангард 1900–1930-х годов, его происхождение, истоки во многом связаны с рекламой. Я к рекламе отношусь нормально, а люблю за то, что она иногда информирует. Хотя я точно знаю: то, что рекламируется, лучше не покупать, потому что настоящие товары не нуждаются в рекламе.

Замечательный американский писатель немецкого происхождения Курт Воннегут не очень любил Хемингуэя. Однажды он сказал: «Хемингуэй все время посылает своих героев на сафари, или на гражданскую войну, или в океан, чтобы они доказали, что они действительно герои. А настоящие герои сидят в баре, пьют виски и молчат, но все вокруг точно знают, что они настоящие герои». Это высказывание можно распространить и на рекламу.

— *Михаил Ефимович, как Вы считаете, развивают ли самобытность народа интеграционные процессы, происходящие сегодня во всем мире?* (вопрос из зала)

— Это справедливо. Существует старый закон Ньютона, который действует и в социальной жизни, — сила действия равна силе противодействия. Глобализационные процессы, как правило, вызывают противоположные тенденции. Без глобализации в экономике, военном деле, в решении проблем экологии, космических проблем невозможно обойтись. Одновременно они провоцируют в странах подчеркнутый интерес к национальной культуре, национальным традициям и т. д. Дальше, чем японцы, казалось бы, никто не продвинулся в технологизации жизни. И тем не менее сегодня в Японии очень сильные тенденции к возрождению и сохранению японской культуры. То же самое происходит и в других странах Европы и в Америке. Это абсолютно диалектический процесс, и нужно, чтобы государство и общество сохраняли здоровый подход к этим явлениям.

— *Уважаемый Михаил Ефимович, скажите, пожалуйста, существуют ли какие-нибудь критерии оценки образованности человека? И если да, то какие?* (вопрос из зала)

— Скорее существуют — это ЕГЭ. Вообще вся система тестирования впервые была использована французами в начале XX века. Они тестировали людей для службы в армии, проверяли их навыки, знания и т. д. Сегодня система тестов используется не только в России для выпускников средней школы, но и повсеместно в Америке и Европе в разного типа испытаниях (тестирование проводится при приеме на работу и т. д.). Такие критерии имеют право на существование, когда речь идет о среднестатистических явлениях. Если говорить об исключениях, то я думаю, что гений просто не сможет пройти через «сито» тестов. Потому что люди с парадоксальным мышлением, как правило, не проходят среднестатистические испытания подобного рода. В сфере искусства, на мой взгляд, тестирование вообще противопоказано, потому что искусство требует живого экзамена, живого разговора, здесь много интуитивного. То есть существуют формальные критерии, которые действуют, но в некоторых случаях — в частности в художественном образовании — они не всегда уместны.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — *Спасибо, Михаил Ефимович. Студенты решили попросить у Вас рецепты на все случаи жизни.*

— *Как действовать в ситуации, если одна сторона в межнациональном конфликте стремится к его разрешению и готова пойти на компромисс, а другая — нет? Как изменить мнение людей об эмигрантах в больших городах? Существуют ли определенные государственные программы решения этой проблемы?* (вопрос из зала)

— В настоящее время Федеральной миграционной службой России руководит опытный специалист К. О. Ромодановский. Эта служба реализует целый ряд, с моей точки зрения, разумных программ. Прежде всего программу адаптации людей, включающую курсы изучения языка, правовых норм, которые существуют в России. И я думаю, что это справедливо, потому что сегодня, к сожалению, мигранты — это угнетенная часть нашего общества.

Им недоплачивают, их обманывают, они живут в отвратительных условиях. Отсюда — агрессия, желание группироваться. Легально никто из работодателей не хочет нанимать мигрантов, потому что любой легальный найм на работу — это «удорожание» работника. Это обоюдный процесс: мигрантов нанимают люди, которые не платят налоги за их труд и выплачивают им гроши. И в этом корень зла. Я считаю, что мигранты должны иметь право на облегченный вариант легализации в России; на правовую защиту и определенный уровень поддержки со стороны Российского государства, потому что они выполняют важную работу.

Мы должны понять — за Уралом, на бескрайних просторах, сегодня проживают 16 млн человек, и это население постепенно сокращается. Если внимательно посмотреть на карту, то можно увидеть соотношение европейской и азиатской частей России (центр России, по моему мнению, находится не в Свердловской области, а восточнее; центр Азии — в районе Тывы). В Центральной России не хватает рабочих рук, и мы обречены на то, чтобы приглашать мигрантов. Мы не сможем восполнить демографические пробелы просто за счет естественного воспроизводства, во всяком случае в обозримом будущем. Но кто-то должен работать. Причем нам нужны не только дворники, но и инженеры, высокопрофессиональные рабочие, интеллектуалы. Не случайно Америка, страна с богатыми ресурсами, по всему миру ищет людей для того, чтобы они преподавали в университетах США. Сейчас то же самое стали делать китайцы. И это серьезная проблема. Много россиян с Дальнего Востока уезжают учиться в Китай и остаются там работать. Поэтому мы обречены на то, чтобы привлекать мигрантов не только из Азии, но и (если сможем) из Восточной и Центральной Европы в Россию.

Что касается первого вопроса о международных конфликтах, то это всегда непросто. В течение последних пяти лет я занимаюсь проблемами урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, а последние два года — проблемами, связанными с Грузией. В случае с Арменией и Азербайджаном, казалось бы, решение очень близко, понятны желания сторон, но остается колоссальное недоверие друг к другу.

Это одна из важных проблем. На мой взгляд, в конфликтологии основной момент, с которого надо начинать урегулирование любого конфликта, — объявить мир, чтобы люди перестали убивать друг друга, а дальше можно начинать поиск механизмов доверия.

Сегодня, когда мы говорим об отношениях между Россией и Америкой, ситуацию можно охарактеризовать словами «перезагрузка», «эйфория». Все вроде бы неплохо. Я знаю эту ситуацию изнутри, потому что в большой комиссии Медведев—Обама, которая включает 16 рабочих групп, я руковожу рабочей группой по обмену в области культуры, образования, спорта, молодежи, СМИ. Но стороны не доверяют друг другу, что серьезно осложняет решение всех вопросов, прежде всего военных. Мы говорим одно, они — другое. Доверие, понимание зарождаются очень сложно. Но я уверен в том, что любые конфликтные ситуации нужно урегулировать, начиная с формирования механизмов доверия.

Василий ЗАМОВ, I курс, факультет конфликтологии: — *Михаил Ефимович, существуют ли какие-либо темы, которые, на Ваш взгляд, мало освещаются в СМИ, но есть необходимость их освещения в большем объеме?*

— Одна из таких тем — международные отношения. Я уверен в том, что эта тема освещается мало и плохо. Вторая подобная тема — гражданское общество. Обе темы могли бы освещаться более широко, с моей точки зрения, потому что для России важно развивать механизмы гражданского общества, вообще гражданское общество, причем это необходимо делать в обычной жизни. Когда в России рассуждают о гражданском обществе, то сразу начинают говорить о правах человека. Да, это важно. Но есть и другой аспект этой проблемы.

Приведу простой пример. Недавно по телевизору был показан сюжет из Днепропетровска о том, что в городе плохо работает общественный транспорт, люди не могут попасть на работу, к месту учебы и т. д. И пять студентов кинули клич, чтобы люди, которые едут по определенным маршрутам, подвозили других либо за маленькую плату, либо бесплатно. И сегодня все горожане договариваются друг с другом, был создан спе-

циальный сайт. В городе таким образом была решена транспортная проблема. Без горисполкома, советской власти, криков и пикетов люди сами договорились между собой и сами решили одну из самых острых проблем городской жизни.

Надо понять, что существует целый ряд проблем, которые мы можем решить самостоятельно. Мы живем в патримониальной стране, где для того, чтобы ввинтили лампочку в подъезде, люди обычно пишут президенту или премьер-министру. Пока у российских людей не будет развит другой тип сознания и они не начнут помогать себе сами, ничего не произойдет, — об этом, как мне кажется, телевидение должно говорить чаще.

Элина ДВЯЧЕНКО, III курс, факультет культуры: — *Уважаемый Михаил Ефимович, какие передачи Вы посоветуете смотреть и слушать, а каких лучше избегать?*

— Мне сложно говорить об этом, потому что у каждого человека свой вкус. Одному нравится свиной хрящик, а другому — попова дочка. Я не берусь давать вам советы, но одновременно понимаю, что сам буду смотреть то, что важно. Я могу сказать: «Смотрите канал “Культура”», но этого мало. На «Пятом канале» есть интересные ток-шоу и интересные ведущие. На канале «Рен-ТВ» — программа «Справедливость». Можно посмотреть ночные программы на Первом и втором каналах. Но на самом деле люди смотрят то, что им хочется.

На первых телевизорах было две кнопки с надписями «ВКЛ.» и «ВЫКЛ.». Не надо ругать телевидение, просто выключите телевизор и почитайте книгу, обратитесь к Интернету. Но я так говорю не потому, что я президент Академии российского телевидения. Я считаю, что на телевидении действительно есть много интересных программ. Мне кажется, что полезно смотреть «Прожекторперисхилтон», «Большую разницу» — они развивают, чему-то учат. Но мне не всегда все нравится в этих передачах.

На канале «Культура» есть интересный цикл «Академия» (транслируется по воскресеньям). В рамках этого цикла с лекциями выступают интересные люди. Вообще на телевидении много интересных программ. Когда говорят: «Сколько можно по-

казывать «Дом–2»?», я отвечаю: «Не смотрите». У Василия Осиповича Ключевского, великого историка, по этому поводу есть точная фраза: массовое искусство хорошо уже потому, что отвлекает людей от еще большего вреда. Пока люди смотрят «Дом–2», они не убивают — и это уже хорошо.

Доверьтесь себе, почувствуйте себя, и вы поймете, что вам нужно. Это как в жизни: одному полезно солнце, а другому, наоборот, — дождь. Советы старших прекрасны, но лучше прислушайтесь к себе. И тогда вы избежите многих проблем.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — *Михаил Ефимович, у меня вопрос личного характера. Вы бы хотели, чтобы Ваши внуки учились в зарубежных или российских вузах?*

— Мои дети не захотели учиться ни в одном зарубежном вузе. Им было интересно учиться и жить в России. И я не был тогда ни министром, ни председателем ВГТРК. Они бывали со мной и в Америке, где я работал, и в Норвегии, где работала моя жена, но сделали свой выбор в пользу России. Жить, учиться и даже лечиться надо дома.

Ирина БАРАДАШИНА, IV курс, факультет культуры: — *Михаил Ефимович, есть ли у Вас время для чтения, и какую книгу Вы сейчас читаете?*

— Я стараюсь читать по возможности много. Причем пытаюсь читать не только то, что нужно для работы, потому что у меня много лекций и другого рода занятий. Обычно я читаю несколько книг.

Людам, которые занимаются искусством, я хочу посоветовать прочитать книгу английского критика Мартина Эсслина «Театр абсурда», которую я сейчас перечитываю. Она вышла сравнительно недавно. С моей точки зрения, эта книга в высшей степени полезна. Также я читаю интересный и спорный для русского человека роман талантливого петербургского писателя Германа Садулаева «Шалинский рейд», который был напечатан в журнале «Знамя» (2010. № 1–2). Это произведение о второй чеченской войне. Это серьезное чтение. Когда я читаю этот роман, во мне иногда все протестует, но и эту точку зрения на эту войну надо знать. Я часто перечитываю «Фауста» Гёте — это мое любимое произведение.

Р. Б. ГРОМАДСКИЙ, заведующий кафедрой режиссуры и актерского искусства СПбГУП, профессор, народный артист России: — *Михаил Ефимович, прежде всего мне хотелось бы сказать, что в отношении рекламы Вы лукавите. Замечательный канал «Культура», созданный, прежде всего, Вашими усилиями, — единственный канал, который обходится без рекламы. И за это Вам огромное спасибо. Мы прекрасно понимаем, что реклама — это информация. Без информации мы не можем существовать. Но когда информация насаждается таким насильственным способом, меня это раздражает. Что такое Интернет? Это та же информация, та же реклама. Но он мне нравится тем, что его можно включить, узнать и выключить.*

По роду своей деятельности я имел возможность посетить четыре страны — Финляндию, Швецию, Эстонию, Латвию. Это были краткосрочные поездки: в каждой стране я находился примерно сутки. И я понял, как много зависит от самого человека. Если я, приехав в Швецию, выучу на шведском языке пять фраз и употреблю их, то увижу совершенно иное отношение к себе. Если в Эстонии, с которой у России в настоящее время сложились непростые отношения, хотя мы с этой страной не воевали, я говорю на национальном языке, то меня выслушают внимательно, если на русском — эстонец уйдет.

Друзья мои, разве сложно выучить несколько фраз на языке той страны, куда вы едете? Конечно, нет. Национальные отношения формируем прежде всего мы, простые люди, проявляя уважительное отношение друг к другу, независимо от того, воевали мы с той страной или нет. Мы воевали с финнами, шведами, немцами, но у нас с ними отношения лучше, нежели с теми странами, с которыми у нас не было открытых вооруженных конфликтов.

И в заключение я от имени профессорско-преподавательского состава и студентов СПбГУП хочу поблагодарить Михаила Ефимовича за то, что он нашел время посетить наш Университет. Надеюсь, что мы встретимся с Вами на открытии театрального фестиваля в «Балтийском доме».

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — *Михаил Ефимович, мы благодарим Вас за интересную лекцию и надеемся на новые встречи.*